

Глава 37. Тайны юного сердца

Когда глава клана и Баожэнь ушли, в маленьком дворике остались лишь четверо домочадцев. Наконец-то Цзюцзю и Чуньшэну представился случай вволю наговориться со старшими братьями.

Цзюцзю вихрем умчалась в боковую комнату, выудила из шкафа шкатулку для денег и две стопки бамбуковой бумаги, сшитых крепкой нитью, и принесла показать братьям.

— Что это? — изумлённо спросил Цю Хуанянь.

— Это те самые дневники, о которых ты рассказывал, братец Хуа! Сестра заставляет меня писать в них каждый божий день! — проворчал Чуньшэн, в чьём голосе слышалось явное недовольство возложенной на него обузой.

Цзюцзю легонько наступила ему на ногу:

— Я велела тебе записывать, сколько уроков ты выучил и что полезного сделал, а не малевать в тетрадке что попало.

— Так я же иероглифы не все знаю! — не сдавался мальчишка. — Вот и приходится рисовать, чтобы не забыть.

— Это всё потому, что ты ленишься и совсем не хочешь шевелить мозгами.

Заметив, что дети вот-вот рассорятся, Хуанянь примирительно улыбнулся:

— Ну полно, полно вам. В словах каждого из вас есть доля истины. Давайте-ка я сам погляжу, что вы там насочиняли.

За тот месяц, что их не было, характер Цзюцзю заметно окреп. Приструняя младшего брата, она держалась с достоинством настоящей хозяйки дома. Хуанянь всегда подбадривал девочку и не боялся доверять ей важные дела, давая возможность проявить себя. И вот плоды: из робкого, замкнутого ребёнка, боявшегося и слово молвить при посторонних, девочка постепенно превращалась в уверенную и самостоятельную особу.

Чуньшэн первым сунул свою стопку «дневников» прямо под нос Хуаняню. Мальчик уже научился писать цифры и названия месяцев, так что на каждом листке бамбуковой бумаги стояла дата. Иероглифы были по-детски размашистыми и порой корявыми, но, по крайней мере, линии в них ложились прямо.

Ду Юньсэ при виде этих каракулей лишь нахмурился, а Хуанянь, незаметно ткнув супруга

локтем в бок, принялся вовсю нахваливать старания младшего.

Записи Чуньшэна были незамысловаты: помимо скудных отчётов об учёбе, страницы пестрели рассказами о том, как сегодня он ловил креветок в речке, завтра собирался ловить бабочек на горе, а послезавтра помогал сестре готовить гаолянъи. Большую часть событий заменяли простенькие рисунки, так что без пояснений самого автора Хуанянь вряд ли бы догадался, что там изображено.

На фоне брата дневник Цзюцзю выглядел куда солиднее. Хотя они и начали учиться грамоте одновременно, девочка была на три года старше, к тому же отличалась прилежанием и острым умом. Она знала куда больше иероглифов, а те, что ещё не выучила, заменяла созвучными или просто рисовала кружочек, чтобы спросить у братьев по их возвращении.

Но больше всего Хуаняня поразило то, что, помимо записей о трапезах, уроках и сельских новостях, дневник сестры содержал подробный учёт доходов и расходов от продажи сладостей.

Благодаря славе, добытой на Таохуа янь, хваткий Мэн Удун сумел прославить их гаолянъи на весь уезд Чжан. Он даже придумал хитроумную схему многоуровневого сбыта: закупал товар у Цзюцзю по две штуки за один вэнь, а затем перепродавал городским лавкам по три штуки за два вэня. Таким образом, рынок сбыта расширился в разы.

Всего за месяц Цзюцзю успела выкупить у Вэй Люхуа ещё две телеги сахарной свёклы. Боясь, что девочка не справится с такой прорвой работы, невестка Люхуа частенько заходила помочь: чистила корнеплоды и толкла их в кашицу. Сделав дело, она тут же уходила, ни разу не попытавшись выведать секрет приготовления.

Теперь ежедневный чистый доход от продажи гаолянъи приближался к двум сотням вэней. Опасаясь хранить дома горы меди, Цзюцзю просила Мэн Удуна обменивать выручку на серебро. За время отсутствия старших в шкапулке прибавилось более четырёх лянов.

Если сложить их со сбережениями Хуаняня, в доме теперь было больше двадцати семи лянов серебра. С учётом того, что доход не прекращался, этих денег с лихвой хватало и на ежемесячные лекарства, и на постройку великолепной кирпичной усадьбы под черепичной крышей.

Успехи сестры стали для Хуаняня настоящим подарком. Он не скупился на похвалы, и даже Ду Юньсэ одобрительно кивнул, оценив её старание. Чуньшэн, сознавая, что сестра и впрямь превзошла его во всём, лишь угрюмо повесил голову. Хуанянь приметил это, но пока решил промолчать.

Позже к ним заглянула Цуньлань, дочь главы клана, и позвала к ужину. Всё семейство Ду направилось к дому старейшины.

Как раз сегодня из уездной школы вернулся Ду Юньчэн. Чтобы не обременять родных, юноша

добирался на перекладных, сменив несколько повозок. Едва переступив порог и заведев Ду Юньсэ, он, позабыв о своей обычной не по годам степенности, вскочил с места от радостного волнения.

В главной комнате накрыли самый большой стол, но поскольку народу собралось видимо-невидимо, пришлось рассаживаться в две очереди. Многие блюда Мэн Фуюэ и Е Таохун приготовили по рецептам, которыми с ними поделился Хуанянь: тут была и рыба в кислом бульоне, и нежная тушёная свинина, и суп из рёбрышек с кукурузой. В сочетании со свежими овощами и домашними соленьями пиршество вышло на славу.

Глава клана откупорил бутылку бережно хранимого вина и выпил несколько чарок с Юньсэ и Юньчэном, празднуя их успехи. Услышав же, что Юньсэ намерен уже в следующем году идти на провинциальные экзамены, чтобы добыть звание цзюйжэня, старик от радости лишь твердил: «Хорошо, ох как хорошо!».

Когда с трапезой было покончено, старейшина, почуяв, что Ду Юньсэ хочет поговорить о чём-то важном, велел остальным разойтись. В комнате остались лишь Юньсэ и Хуанянь, но по просьбе первого старик позволил остаться и Юньчэну.

Предчувствуя недоброе, глава клана нахмурился:

— Юньсэ, о чём ты хотел поведать мне с глазу на глаз?

— Это касается семьи Ду Юньцзина.

— Разве Юньцзин не стал сюцаем? Пусть он и последний в списке, но и это немалое достижение... — Старик тревожно заёрзал на месте. — Неужто он пошёл на какой-нибудь обман?

Ду Юньцзин много лет провёл в городе, и старейшина знал его плохо, полагая лишь, что тот — ещё один редкий талант из их деревни. Даже когда мать Юньцзина, госпожа Чжао, то и дело затевала ссоры, он ради будущего молодого учёного старался выгородить их семью. Однако в глубине души у него копилось недовольство. Позже, услышав от Юньчэна о том, как Юньцзин ведёт себя в школе, глава клана и вовсе начал колебаться.

Теперь же, когда Ду Юньсэ, ставший «Лидером трёх экзаменов», уже вернулся, а от семьи Юньцзина не было ни слуху ни духу, старейшина приготовился к худшему.

— Место в списке Ду Юньцзин, пожалуй, занял своими силами, — начал Юньсэ.

Не успел глава клана облегчённо вздохнуть, как гость бесстрастно продолжил:

— Однако в день оглашения результатов глава образовательного ведомства провинции во

всеуслышание назвал его «человеком никчёмным и нравом безрассудным». После публичного порицания ему запретили участвовать в провинциальных экзаменах в течение трёх циклов.

— Как... как же так вышло?!

Старейшина был потрясён. Последний раз он слышал о главе ведомства, когда десятилетний Ду Юньсэ занял первое место на начальных экзаменах, и высокий чиновник лично прибыл в деревню Ду, чтобы испытать юное дарование. Старик до сих пор помнил, с каким подобострашием уездный судья Ван принимал тогда этого сановника.

Что же такого натворил Ду Юньцзин, если новоиспечённый сюцай удостоился столь позорного наказания от самого главы ведомства?!

Ду Юньсэ спокойным и лаконичным тоном поведал о череде безумств, сотворённых Юньцзином в префектуре. Он говорил так легко, точно речь шла о какой-то суетливой мошкаре, но у главы клана от каждого слова гнев вскипал в груди, а кровь стыла в жилах.

Болтовня у врат Экзаменационного двора, злобные нападки на сородича, подстрекательство других учеников к недоверию власти... А после предупреждения от главы ведомства — намеренный пропуск Испытания ста вкусов и постыдная связь с Ли Гуэр среди бела дня, на чём их и поймали.

Не будь новый глава ведомства столь строг в следовании букве закона, он мог бы лишить Ду Юньцзина звания сюцай прямо на месте, и никто не посмел бы возразить!

Видя, что старик едва дышит от ярости, Юньсэ кивнул Юньчэну, чтобы тот помог деду сесть и прийти в себя.

— Ду Юньцзин снедаем завистью. Подобно своей матери, он ради минутной выгоды готов погрязнуть в долгу. То, что случилось, — лишь закономерный плод его поступков. Стоит ли вам, глава клана, терзать себя из-за него?

— ...

Старик отпил воды, поданной внуком, и тяжело вздохнул. Его голос звучал надломленно:

— Юньсэ, я... эх!

Он вспомнил, как ради такого ничтожества когда-то заставил Юньсэ и братца Хуа разочароваться в нём, и теперь его душили запоздалое раскаяние и злость.

Юньчэн попытался утешить его:

— Дедушка, вы прежде редко видели Ду Юньцзина, неудивительно, что вы ошиблись в нём. Теперь, когда мы узнали истинное лицо этих людей, всё станет проще.

— ... — Старейшина горестно качнул головой. — Вся их семейка — люди тёмные и неразумные, да ещё эта Ли Гуэр... Боюсь, как бы они, вернувшись, не затеяли в деревне новую смуту. Не видать нам теперь покоя.

Хуанянь, услышав это, мгновенно отозвался:

— Раз так, почему бы просто не спровадить тех, кто этот покой нарушает?

Бровь старейшины дёрнулась. Неужто братец Хуа намекает на изгнание из клана? Это... это значило бы лишить их всего. Не слишком ли суровая кара для сородичей?

Хуанянь тонко улыбнулся:

— Глава клана, вы печётесь о родственных узах, но станет ли Ду Юньцзин делать то же самое? Когда он творил свои безумства в городе, думал ли он хоть на миг о чести деревни Ду?

— Подумайте вот о чём: если бы не Юньсэ, занявший первое место и заставивший префекта и главу ведомства сменить гнев на милость, как бы те взглянули на прочих учеников из нашего рода после выходов Юньцзина? Не пало ли бы это пятно и на Юньчэна, и на всех остальных, закрыв им путь к учёным званиям?

— Мы оставили Юньчэна сегодня с нами, чтобы он знал всю правду. Иначе, когда в будущем он отправится на экзамены в город и его спросят об этом случае, он не будет знать, что отвечать и как оправдываться.

— ...

Слова Хуаняня заставили главу клана мгновенно осознать, какую угрозу поступки Юньцзина несут для будущего всего рода Ду. При мысли о том, что его любимый внук Юньчэн мог пострадать из-за чужой подлости, сердце старика, ставшее с годами мягче, вновь обрело стальную твёрдость.

Он долго молчал, опустив взор, а затем решительно качнул головой:

— Теперь я всё понял. Предоставьте это мне, я сам всё устрою. Баоцюань и госпожа Чжао всё же приходится вам старшими, не дело вам, молодым, вмешиваться в это, дабы не давать повода для кривотолков.

Хуанянь взглянул на Ду Юньсэ. Тот коротко кивнул в знак согласия, и юноша не стал более

возражать.

Проводив гостей, глава клана вновь собрал вокруг себя Ду Баожэня с супругой и Юньчэна.

Когда Мэн Фуюэ услышала о гнусных делах Ду Юньцина в городе, её первым чувством было облегчение. Какое счастье, что помолвка её племянника с этим негодяем не состоялась! Ведь они едва не толкнули братца Лина в самую пропасть.

Старейшина пересказал им доводы Хуаняня и свой анализ, и Баожэнь с супругой не на шутку встревожились. Детей у них было немного — многие умерли во младенчестве, и лишь Юньчэн остался единственным утешением и надеждой. Он рос смыслёным и послушным, радуя родителей успехами в учёбе.

Больше всего на свете Баожэнь и Фуюэ желали, чтобы их сын однажды прославил род, сдав государственные экзамены. И если кто-то стоял на его пути, они готовы были биться до последнего!

Не будь рядом свёкра, Мэн Фуюэ наверняка уже осыпала бы госпожу Чжао, Юньцина и Ли Гуэр проклятиями до третьего колена. Дальше-то нельзя — там и её собственные предки начинались.

— Свершить такое бесстыдство, наплевав на честь рода! Зачем им возвращаться? Изгнать! Вычеркнуть из списков, чтобы этот Ду Юньцин более не имел к нашей деревне никакого отношения!

Фуюэ всегда была вспыльчива, но на сей раз Баожэнь даже не пытался её унять. В его мыслях зрело то же решение, и если бы отец воспротивился, он готов был спорить, даже рискуя прослыть непочтительным сыном.

Старейшина покачал головой и обернулся к внуку:

— А что скажет Юньчэн?

Юноша ответил негромко, но твёрдо:

— В доме дяди Баоцюаня почти никто не печётся о благе клана. И дело не только в нынешних событиях — они и раньше то и дело затевали в деревне смуту. Если вы, дедушка, желаете процветания нашему роду, от таких людей рано или поздно придётся избавиться. Да и сами они вряд ли горят желанием оставаться здесь.

— К тому же вы не раз говорили, что кузен Юньсэ — истинный дар небес нашему роду. Цилинь, почуяв ветер и дождь, устремляется ввысь, за облака. Он не станет вечно томиться в нашей глуши. Юньсэ и его супруг — люди благородные и помнят добро, но если вы хотите, чтобы они и впредь были едины с кланом, придётся выбирать.

— Прежние ошибки уже совершены, но сейчас ещё не поздно всё исправить.

Старик удовлетворённо улыбнулся:

— Хорошо сказано. Ты повзрослел, и это радует моё сердце. Впредь чаще советуйся с братом Юньсэ и учись у него. Я буду ждать того дня, когда и ты, подобно цилинью, вознесёшься к облакам.

Глава клана перевёл взгляд на Мэн Фуюэ, которую так и подмывало высказаться:

— Жена старшего, я знаю, как тебе беспокойно. О том, что вытворял Ду Юньцин в городе, можешь рассказывать кому угодно. Нечего беречь их честь — пусть молва летит как можно дальше. Но не упоминай ни Юньсэ, ни Хуа-гээр. Говори, мол, от стражников из уезда слыхала.

— Отец, вы хотите сказать... — Баожэнь, кажется, начал догадываться, к чему клонит старик.

Старейшина наставительно произнёс:

— Если берёшься за дело — делай его чисто и красиво. В эти дни побудь подле меня, поучись. Негоже отцу отставать от сына, когда тот идёт в гору.

— И вот ещё что: жена старшего, в будущем старайся держаться поближе к старшей невестке Баоцюаня. Хотя Вэй-ши и из бедной семьи, из глухой горной деревушки, но девка она рассудительная, хваткая и работающая. Нужно, чтобы они сами захотели отделиться от свекров. Вот тогда я и смогу по совести рассудить их раздел.

На следующее утро после возвращения Хуаняня, едва прослышав новости, к ним на быках примчался Мэн Юаньлин вместе с братом Удуном.

Едва сойдя на землю, гости осыпали хозяев поздравлениями. Братец Лин привез с собой два цзиня тофу и цзинь свинины, а Мэн Удун и вовсе расщедрился на цзинь масла и столько же сахара.

Цзинь масла стоил сто двадцать вэней, и сахар — почти столько же. Всё вместе тянуло на добрых три фэня серебра. Хуанянь хотел было отказаться, но Юаньлин решительно накрыл его

руку своей.

— Мы купили это на свои заработанные деньги, так что не вздумай отказываться! Мой второй брат в последнее время разбогател, так что самое время его немного потрясти.

Мэн Удун весело расхохотался:

— Гляньте-ка, а братец Лин всё норовит добро из дома вынести! И это тот самый брат, что умолял меня взять его с собой!

Удун и впрямь в последнее время ходил гоголем. Пусть разъезжать повсюду, сбывая гаолянги, было делом нелёгким, зато юноша наконец-то вышел из тени отца и старшего брата. Теперь он не был просто «лишним сыном», которому не видать наследства в семейной лавке тофу.

С тех пор как он взялся за торговлю сладостями Хуаняня, он сумел скопить целых семь лянов серебра! Этого хватило бы на покупку крепкого мула. Полгода назад о таком он не смел и мечтать.

Учёба и экзамены мало занимали Мэн Удуна, да и в разговоры гээр он не вмешивался. Немного посидев во дворе, он решил заняться чем-нибудь полезным. Заметив, что поленница почти опустела, гость вызвался сходить в лес за дровами. Хуанянь пытался его отговорить, но Юаньлин лишь подзадоривал брата, так что хозяину осталось лишь напутствовать Удуна и велеть Чуньшэну показать дорогу.

Раз уж братья Мэн пожаловали, в полдень их следовало накормить. Хуанянь принялся за готовку, используя привезённые продукты, а за овощами отправился в огород.

Две грядки бобов-мечей, посеянные после Цинмина, а также капуста, баклажаны и перцы радовали глаз. На кустах баклажанов и перцев уже виднелись плоды размером с палец — через полмесяца можно будет снимать первый урожай. Молодые листья капусты были в самый раз для салата, а на нижних плетях бобов уже завязались нежные стручки.

Хуанянь срезал стручки в ивовую корзинку, а Юаньлин помогал ему. Хозяин наставлял гостя: бобы нужно обрывать снизу, тогда растение будет отдавать все силы верхним завязям. В семье Мэн огородничеством особо не занимались, так что братец Лин внимал этим премудростям с живым интересом и старательно запоминал всё, что слышал.

Набрав полкорзины бобов, срезав пучок чеснока, несколько перьев лука и горсть капустных листьев, Хуанянь вернулся к очагу. Юаньлин вызвался помогать: принялся мыть и чистить овощи.

Хуанянь решил приготовить четыре простых домашних блюда: бобы, тушённые с мясом, яичницу с чесноком, домашний тофу и салат из молодой капусты. Услышав это, гость

рассмеялся:

— Хуа-гээр, если это у тебя называется «по-домашнему», то что же мы тогда едим? Это же почти праздничный стол!

Хуанянь лишь загадочно улыбнулся. Привыкнув к кушаньям поваров из «Башни комфорта» и отведав стряпни тётушки Хуан, он теперь и впрямь считал свою готовку делом простым. Но «простое» не значило «плохое». В блюдах из овощей, выращенных своими руками, был особый вкус.

Главным на столе сегодня были бобы с мясом. Сначала юноша нарезал свинину крупными ломтями толщиной в полпальца. Сложив мясо в миску, добавил лук, соль, соевый соус и немного масла, после чего всё тщательно перемешал. Для тушения с бобами мясо не стоило резать слишком тонко, иначе после долгой варки оно потеряет сочность.

Юаньлин уже вымыл бобы и оборвал у них кончики и жёсткие жилки по бокам. Хуанянь взял охапку стручков, разломил их пополам и бросил прямо в раскалённый котёл. Прежде чем жарить овощи, их следовало прогреть в сухом котле, чтобы ушла лишняя влага. Только тогда они впитают в себя весь вкус приправ.

Когда кожица бобов начала морщиться и по кухне поплыл аппетитный аромат, Хуанянь выложил их на блюдо. В котёл он плеснул масла, бросил лук и звёздочку бадьяна, а когда пряности отдали свой дух, выложил маринованное мясо. Когда мясо пустило сок, он вернул в котёл бобы, добавив соли и соевого соуса.

Перемешав всё как следует, Хуанянь залил овощи водой так, чтобы она едва их прикрывала, накрыл крышкой и оставил томиться на малом огне.

Юаньлин, вдыхая плывущий из котла аромат, смешно сморщил носик и, улучив минуту, когда хозяин освободился, утянул его за старую грушу в глубине двора. Цветы на груше давно облетели, и теперь среди густой листвы виднелись крохотные зеленые плоды. К осени можно будет собрать не одну корзину сочных груш.

— Ну, о чём хотел спросить братец Лин?

— И вовсе я не собирался ни о чём спрашивать! — шёпотом возразил Юаньлин. Он воровато оглянулся по сторонам и, убедившись, что Ду Юньсэ занят чтением в главной комнате, а Цзюцзю практикуется в вышивке, жеманно проговорил: — Я просто... слышал, что Юньчэн вернулся в деревню... Это правда?

— Вернулся он или нет, разве ты не мог сам узнать, заглянув к своей тётушке? Ты... — Хуанянь вначале хотел рассмеяться, но вдруг его глаза вспыхнули азартом — в нём проснулась страсть к чужим тайнам. — Так вот оно что! Ты...

— Ой, да ничего подобного! — вскричал Юаньлин, отчаянно краснея. Поняв, что сорвался на крик, он тут же зажал рот ладошкой, а его большие круглые глаза наполнились немим укором.

— Нет так нет, не кипятись, — Хуанянь с сожалением вздохнул, понимая, что подробностей пока не дождётся.

Юаньлин едва слышно буркнул:

— Вот именно, ничего.

Хуанянь притворно вздохнул:

— Ну раз ничего, тогда и про Юньчэна рассказывать не буду.

— А что с ним? — тут же выпалил Юаньлин.

— Так ведь «ничего»? — Хуанянь с лукавой улыбкой прищурился.

— ... — Раскрасневшийся Юаньлин топнул ногой и принялся трясти Хуаняня за руку: — Хуагээр, ну пожалуйста! Ты же и так всё понял, хватит надо мной подтрунивать!

Хуанянь шутливо ткнул его пальцем в ямочку на щеке, и Юаньлин тут же надулся, закрыв лицо руками и стараясь смотреть на друга как можно строже.

Наигравшись, Хуанянь заговорил серьёзно:

— Юньчэн вернулся вчера поздно вечером, а сегодня ему уже нужно быть в уездной школе. Сразу после полудня он зайдёт к Юньсэ посоветоваться о делах, так что если задержишься подольше — увидишь его.

Юаньлин облегчённо выдохнул и кивнул, а его лицо вновь залил нежный румянец. О чём он думал в этот миг — ведал лишь он один.

За тот месяц, что они не виделись, детская припухлость почти сошла с его лица. Щёки ещё оставались круглыми, но подбородок заметно заострился, и когда он улыбался, то становился похож на милого хомячка. Юноша так быстро повзрослел — и дело было не только в годах, но и в тех самых тайнах юного сердца.

По его поведению Хуаняню всё стало ясно. Сначала он искренне порадовался за друга, с которым сблизился почти сразу после своего появления в этом мире, но затем в его душе поселилась тревога.

Мэн Юаньлин и Ду Юньчэн были кузенами с разницей в один год. Городок Цинфу и деревня Ду стояли бок о бок, и дети росли вместе. Юаньлин был весел и нравом лёгок, а Юньчэн — не по годам степенен и заботлив. Сложись их судьбы иначе, они могли бы стать прекрасной парой.

Но если чувства одного были на виду, то что творилось на душе у другого — не знал никто. А если сердце молчит, то тут уж никакое сватовство не поможет.

К тому же мать Юньчэна, Мэн Фуюэ, когда-то поддалась на уговоры госпожи Чжао и едва не сосватала Юаньлина за Ду Юньцзина. Хоть та затея и провалилась, стало ясно: Фуюэ никогда не прочила племянника в жёны собственному сыну. Да и Юньчэн был самым одарённым внуком в доме старейшины, и его женитьба — дело непростое.

Что до кровного родства, то в эти времена оно помехой не считалось. В прежнем мире Хуаняня их родство считалось бы уже достаточно далёким для брака, так что и с точки зрения закона проблем бы не возникло.

Мэн Юаньлин, хоть и слыл весёлым озорником, глупцом не был. Он и сам не раз обдумывал всё это. Именно поэтому, приехав в деревню, он не посмел пойти в дом тётушки, чтобы увидеть Юньчэна — боялся, что случайный взгляд выдаст его тайну.

В эти дни его сердце не знало покоя. То он вдруг замирал с блаженной улыбкой на губах, то в глазах его дрожали слезинки, заставляя мать и невестку гадать, что же с ним творится. Рассказать об этом он не смел. Семьи Юньчэна и Юаньлина связывали крепкие узы, и если бы из-за его чувств между родными пробежала чёрная кошка, юноша бы с горя готов был головой о камень удариться.

И лишь перед Хуанянем — верным другом — он мог хоть немного облегчить душу.

Видя, что гость вот-вот расплачется от своих мыслей, Хуанянь поспешил сменить тему:

— Ну полно тебе. Раз всё разузнал — пойдём доваривать обед. Нам ещё столько всего нужно успеть! И смотри у меня, не вздумай реветь. А то придёт Юньчэн и давай спрашивать: «А чего это у кузена Лина глаза на мокром месте?». И что ты ему тогда ответишь?

Юаньлин невольно прыснул со смехом. Тоска его улетела так же быстро, как и пришла, и он вновь принялся помогать другу мыть капусту. Он старательно тёр корешки, но вдруг рука его замерла.

«Если бы он и впрямь спросил... — едва слышно пробормотал он под нос. — Было бы куда лучше...»